

Александр Солженицын

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ, ТОМ ПЯТНАДЦАТЫЙ

КРАСНОЕ КОЛЕСО

ПОВЕСТВОВАНИЕ

В ОТМЕРЕННЫХ СРОКАХ

УЗЕЛ IV

АПРЕЛЬ СЕМНАДЦАТОГО

КНИГА 1

Пасха 1917 года. — Встреча Ленина на Финляндском вокзале. — «Севастопольское чудо» Колчака. — Успех публичных речей Керенского. — Множество эпизодов «народоправства» в армии и в тылу. — 20 апреля Ленин организует первую большевицкую пробу сил.

Стрельба на улицах по безоружным. Лозунги: «Долой Милюкова!», «Долой Временное правительство!» С утра 21 апреля — порыв безоружных добровольцев из интеллигенции выходить на улицы, защищать власть «от красной гвардии»; те — стреляют. Раненые, убитые, шумные споры и драки на улицах. Тревожные переговоры членов Исполнительного Комитета и Временного правительства — как погасить конфликт, но он не утихает весь день. — Непредвиденное сопротивление большевикам петроградской образованной публики — переменило планы Ленина: гражданскую войну пока отложим!

АЛЕКСАНДР

СОЛЖЕНИЦЫН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ПЯТНАДЦАТЫЙ

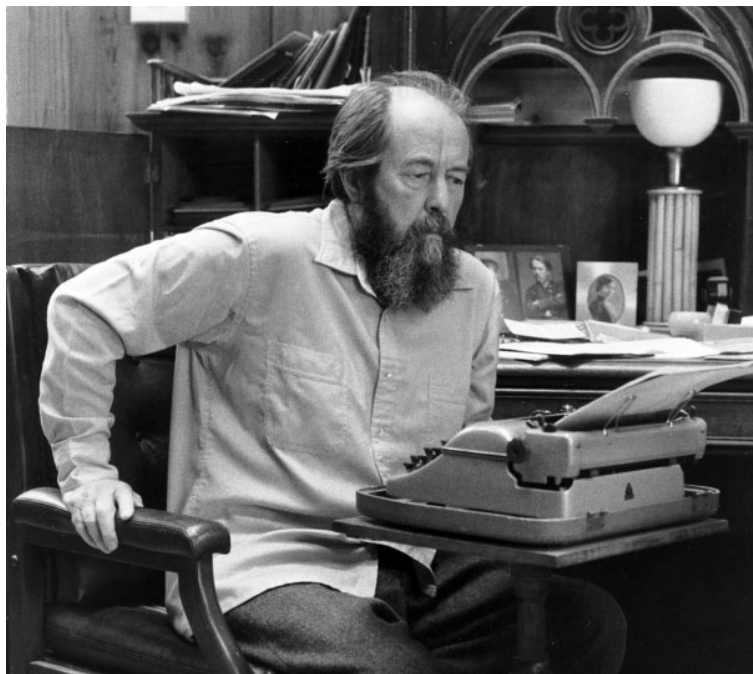
КРАСНОЕ КОЛЕСО

ПОВЕСТВОВАНИЕ
В ОТМЕРЕННЫХ СРОКАХ

УЗЕЛ IV
АПРЕЛЬ СЕМНАДЦАТОГО

КНИГА 1

Вермонт, 1986

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

НАРОДОПРАВСТВО

Выход... один — революция, революция кровавая и неумолимая... Мы будем последовательнее не только жалких революционеров 48 года, но и великих террористов 92 года, мы не испугаемся, если увидим, что... приходится пролить втрое больше крови, чем пролито якобинцами... С полною верою... в славное будущее России... первой осуществить великое дело социализма, мы издадим один крик «в топоры»!

Прокламация «Молодая Россия», 1862

УЗЕЛ IV

АПРЕЛЬ СЕМНАДЦАТОГО

29 МАРТА — 5 МАЯ СТ. СТ.

КНИГА 1

КАЛЕНДАРЬ РЕВОЛЮЦИИ

(ст. ст.)

21 марта

- Разгром двух русских дивизий на р. Стоход
- Германское министерство иностранных дел затребовало у мин. финансов ещё 5 миллионов марок «для политических целей в России»
- Ф. Платтен по поручению Ленина вошёл в конспиративный контакт с германским послом в Берне

24 марта

- На Западе Страстная пятница
- Соединённые Штаты объявили войну Германии
- Германское правительство сообщило ленинской группе согласие на их проезд в изолированном вагоне

25–28 марта

- Съезд партии к-д в Петрограде

27 марта

- Выезд группы Ленина-Зиновьева из Цюриха в Германию. Германский посол в Берне: «Крайне необходимо, чтобы немецкая пресса полностью игнорировала происходящее»

29 марта — 3 апреля

- Всероссийское Собрание Советов в Петрограде

30 марта

- Группа Ленина плывёт в Швецию. Император Вильгельм распорядился: если Швеция не примет их — перепустить через Восточный фронт

31 марта

- Встреча Плеханова на Финляндском вокзале

1 апреля

- День Ленина в шведской глуши, скрытый от биографий (встреча с Парвусом?)

2 апреля

- Первый день православной Пасхи

3 апреля

- Встреча Ленина на Финляндском вокзале

4 апреля

- Ленин в Таврическом дворце выступает с тезисами («апрельскими») об углублении революции

8 апреля

- Встреча на Финляндском вокзале Чернова, Дейча, Авксентьева, Савинкова

ВСТУПЛЕНИЕ:

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ МАРТА — ОДИННАДЦАТОЕ АПРЕЛЯ

ДОКУМЕНТЫ — 1

24 марта

**ЛИЧНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ГЕОРГА V СТАМФОРДАМ —
МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ БАЛЬФУРУ**

...должен умолять вас передать премьер-министру, что всё, что Король слышит и читает в прессе, показывает, что присутствие императора и императрицы в этой стране не понравится публике и конечно ухудшит позицию Короля и Королевы... Бьюкенен должен сказать Милюкову, что недовольство в Англии против приезда императора и императрицы так сильно, что мы должны отказаться от нашего прошлого согласия на предложение русского правительства...

ДОКУМЕНТЫ — 2

31 марта

**ПОСОЛ В ПЕТРОГРАДЕ БЬЮКЕНЕН —
МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ БАЛЬФУРУ**

...Я полностью согласен с вами... Будет намного лучше, если бывший император не поедет в Англию.

Это возникло перед сибирскими социал-демократами внезапно: к Церетели, в два дня ставшему хозяином Иркутска, пришли спрашивать: пропускать ли подошедшие на станцию эшелоны снаряжения из Владивостока — на фронт? И Церетели, нисколько не задумавшись, воскликнул: «Конечно пропускать!» Так родилось то, что через несколько недель стали дразнить «революционным оборончеством».

Война! Сколько о ней переговорено и передумано в эти годы ссыльными. Их всех объединяло страстно отрицательное отношение к этой безумной войне, особенно бессмысленной для России, которая не нуждалась ни в вершке территориальных приобретений. Но — не состоялась надежда, что социалистические партии Европы будут бороться каждая с империалистическими стремлениями у себя дома: дико, но оказалось, что там рабочий класс испытывал больше общности с национальной политикой своих правящих классов, чем с международными задачами пролетариата. Только мы, русские, были ото всего этого свободны! — и не желали быть такими близоруко-практичными и не принципиальными, как наши западные братья. Однако мало было надежды, что эта война закончится в условиях народных восстаний, — а тогда чьей же стороне желать победы? Из Европы приходили издания, что Ленин выставял «национализм наоборот»: желать и добиваться поражения России. Но сибирские социалисты (как Церетели с товарищами по партии — Даном, Войтинским, Вайнштейном, Горнштейном, Ермолаевым, так и дружно с эсером Гоцем) приняли линию абсолютного нейтралитета. (То есть они конечно сочувствовали бы западным демократиям, но вместе с ними победит и царизм? — а это ужас. Надежда только, что коренные интересы российской буржуазии непримиримы с самодержавием и будут расшатывать его.)

И вдруг — грянула революция! И получила по наследству эту войну. И русские социалисты из гонимой безответственной оппозиции вдруг превратились в хозяев революционной страны. И это вызвало психологический перелом к войне, его даже ещё не сформулировали теоретически, а внезапно это вот так проявилось у Церетели.

Когда во Второй Государственной Думе 2 июня 1907 года уже видно было, что остаются считанные минуты или до ареста фракции с-д или до разгона Думы, — молодой стройный грузин, недоучившийся студент, но уже и вождь московского студенчества, но уже и лидер думской фракции с-д — Ираклий

Церетели, с благородным изяществом движений, независимостью в поставе головы, волоокий, черноокий, в 11 часов вечера ещё успел получить слово, последний раз взбежал на трибуну и полновзвучным гневным голосом бичевал это правительство военно-полевых судов, это торжество безграничного насилия, когда штык поставлен в порядок думского дня. В тот день государственная громада самодержавия казалась непробиваемо вечной, а наши груди, особенно уже тронутые горловой чахоткой, — обречёнными на раздав.

А вот, не прошло полных десяти лет, как в столицу Сибири Иркутск, к малосмысленным обывателям и ртутно-восприимчивым ссыльным стали притекать, частными поздравительными телеграммами, известия о немыслимом и мгновенном крушении этого проклятого самодержавия. Чего угодно ждали — но только не этого! И вдруг политические ссыльные, до сих пор лишь на частных квартирах да летом на дачах перекипавшие в своих кружках спорами о социалистических установках (ну, правда, иногда выпускали журналы, а Гоц умудрялся — и регулярную газету циммервальдского направления), — в три дня были признаны как единственная тут власть. И сразу же возглавил Церетели комитет общественных организаций, устанавливал 8-часовой рабочий день, на площади перед городской думой выступал к выстроенному гарнизону и затем пропускал войска маршем мимо себя, и восторженно они рявкали комитету, и неохоче — командующему Округом.

Надо было испытать этот переход после шести лет тюрьмы (по слабому здоровью Ираклию заменили каторжные работы тюремной отсидкой), потом четырёх лет усольской ссылки (вполне ужитой и плодотворной, 60 вёрст железной дорогой от Иркутска, и можно поехать в любой день, — однако же вечного безнадёжного поселения, если не бежать за границу), — и к этому вдруг сказочному мгновенному крушению векового строя (да прочен ли успех? да слишком легко достался), к этому состоянию опьянения и властного напряжения.

Но с первых же дней — и острая тревога за судьбы революции. С этой орущей солдатской массой на самом деле не было понимания, это не рабочий класс, это — стихия без определённых социальных идеалов, она даже не отдаёт себе отчёта в совершающемся и таит в себе опасность как анархии слева, так и контрреволюции справа. Российские социал-демократы давно знают из марксизма: революция не может совершить прыжка от полуфеодального российского строя и сразу к социалистическому, предел возможных завоеваний сейчас — демократизация страны на базе буржуазно-хозяйственных отношений. Но такое внезапное присоединение к рабочему классу многомиллионной вооружённой армии заманивает социалистические партии на самые крайние

эксперименты, навязать волю социалистического меньшинства всей стране — а это может привести ко взрыву и контрреволюции, и будет распад революции.

Уже на десятый день этой лихорадочной бессонной иркутской обстановки у Ираклия пошла горлом кровь, и пришлось слечь. Надо же, чтобы в самые сияющие дни жизни — отказало здоровье! Телеграммами звали в Грузию друзья, родные, — но нет, тянуло ехать в самый центр революции! Потащился из Иркутска в Петербург «поезд Второй Думы», на станциях его встречали оживлённые толпы, народ искал вождей, — но у Ираклия продолжалось кровохарканье всю дорогу, он не выходил с речами, только тихо беседовал в купе с членами местных советов.

Да обгоняя медленное движение поезда, они хватили встречные, всё свежее, «Известия» Петроградского Совета, глотки революции. Уже было ясно, что авторитет Совета стоит гораздо выше Временного правительства. Резкие статьи «Известий» диктовали недоверчивое отношение к буржуазии. Но одни статьи противоречили другим — кто их писал? кто печатал? — получалось, что у Совета нет своей ясной программы. И рвалось сердце — скорее туда, и скорее покончить с этим хаосом и неопределённостью! Теперь, когда революция переходит от отрицательных задач к положительным, — нужна прежде всего ясная программа, особенно о власти и о войне. С радостью и гордостью читали, перечитывали Манифест 14 марта — то международное слово, которого всю войну чаяли миллионные замученные массы во всём мире. Да! конечно — не безоглядное оборончество. Но и — не свержение Временного правительства. И как это трудно будет объяснить сейчас рабочим массам в Петрограде: что, вот, при безусловной победе революции надо самоограничиться в требованиях? как объяснить рабочим важность этого нематериального, неосязаемого влияния технически образованных культурных кругов?

И в первый же вечер возврата в неузнаваемый теперь Таврический дворец, откуда был вырван и сослан, — Церетели говорил так в речи. И папаша Чхеидзе потом упрекнул добродушно, что в такой оголённой форме мы тут ещё не говорили, не решались ясно выразить линию Исполнительного Комитета относительно войны.

Да ещё не такой и «папаша», хотя принял Ираклия как сына, — ему всего 53 года, но очень истрёпан. Особенно он исходил и тратился в публичных выступлениях (в дни революции забыл и свою палочку), а в простых беседах выказывал осмотрительность взглядов, совсем не было в нём того революционного кремня и железа. А ещё нужны были ему силы на большое будущее: по своему сегодняшнему положению почти несомненно Чхеидзе будет председателем Учредительного Собрания, если и не будущим российским президентом.

Церетели, как и все члены всех с-д фракций четырёх Дум, сразу получил в ИК совещательный голос. А войдя туда, за два дня увидел себя и готовым вести Исполком за собой. До сих пор самой видной фигурой тут был, кажется, Нахамкис-Степлов. Но он же, оказывается, и издавал эти безтолковые заплутанные «Известия». А при всей своей видности он, ближе присмотреться, решительно неспособен к серьёзному политическому делу. (Керенский пригласил негласно встретиться на квартире у Соколова и нервно жаловался, что Степлов и другие левые дискредитируют его систематически. Но сам он не решался предпринять против них. Он хотел бы — чужими руками.)

Сибирские циммервальдисты приехали с нежностью к Манифесту 14 марта: он действительно соответствует принципам революции: и борьба за демократический мир — и одновременно защита страны. Но оказавшийся автором Манифеста юркий, въедчивый, пронизательный гомункулус Гиммер-Суханов — теперь деятельно возился повернуть ИК к одному лишь требованию мира, без забот об обороне страны. И собрал подписи под такой платформой, и на многочасном заседании ИК 21 марта с холодным раздражением, маленький, выговаривал своим крупнотелым товарищам, что Исполнительный Комитет не выполнил обязательства, взятого в Манифесте: не борется против империализма Временного правительства, но приспосабливается к военной идеологии Милюкова-Гучкова. Он не отрицал оборончества в лоб, но: что всякая активность в укреплении армии отвлекала бы нас от борьбы за мир, а поэтому — все наши силы борьбе за мир; обороной пусть занимается без нас кто хочет, а мы откроем массовую кампанию в армии и в рабочем классе — против империалистической политики Временного правительства.

За свои три дня в Петрограде хоть и заметил Церетели безтолковость деяний и бросаний ИК, всё же с изумлением оглядывался: так даже без попытки соглашения с Временным правительством предлагают тотчас его отстранять, что ли? — и никто не даст этому едкому гному отпора?

Не гному! — над задымленной комнатой ИК нависал террор обезумелых крайних интернационалистов, а остальные не смели в полный голос спорить с ними. И Церетели, по струне негодования и при полной сибирской безбоязненности, с десятью годами тюрьмы и ссылки за спиной, поднялся в свои полные полуторный рост и стать:

— Революция — не должна отдавать своих завоеваний на разгром извне! В условиях русской революции нельзя сравнивать оборончество — с поддержкой империализма! А кто же будет защищать страну *до* заключения мира? Оборона страны — не чуждое нам дело и не компромисс, она одна из основных задач революции. Никогда ещё российская демократия не имела такой силы внутри страны — а значит, и такой ответственности перед человечеством.

Он выговаривал эти мысли то одним складом фраз, то другим, совсем не коротко и, может быть, не лучшим образом — и видел, как менялись лица исполкомовцев, — но и сам ещё не понимал, какой силы взрыв произвёл тут.

Он заварил два дня бурных прений. Против его непредвзятой сибирской трезвости — растерялись большевики, и даже узкомыслый Шляпников, с его примитивной рабочей ненавистью к буржуазии, не осмелился повторить призыв свергать Временное правительство и заменять его рабоче-крестьянским. (Упускалось, упускалось время слиться с большевиками в одну партию! Не с кем тут разговаривать! — скорей бы Ленин приехал!) А полупарализованный Лурье, с болезненным неуспеванием губ, век, движений лица за энергичным смыслом слов, лишь поучал неопытного сибирца, что вся Европа созрела к миру и надо только кинуть смелый клич, — как говорил Дантон: спасение революции в её смелости!

Но как возвысились голоса искренних оборонцев, задавленных до сих пор тут! Богданов осмелел указать, что ведь молчит Германия, молчит Европа, никто на наш Манифест и не откликнулся, а все воюют! А Гвоздев предупреждал, что, если будем молчать об обороне, — натравят на нас солдат. (Этих двух рабочегруппцев особенно резко упрекали слева за сотрудничество с Гучковым.) И Гольдман-Либер произнёс пылкую революционно-оборонную

речь: главная опасность для нашей революции — от Германии. Теперь и папаша Чхеидзе сюда склонился, и легконадувной Скобелев заговорил о «государственно-революционном расчёте». И ещё, и ещё, и почти кто ни выступал — все оказались за оборону. (И уже уму нельзя было представить: да кто ж из них тут придумал и подписал «приказ № 1»?) Брамсон горячо горевал о нашем разгроме на Стоходе (как раз случился он в первый день этих прений). И разумеется — поручик Станкевич: что разлагает армию всякая постановка вопроса о мире; что солдат и стоек в походе и в бою только до тех пор, пока никто не внушил ему возможности мира, и в европейских армиях этого не допускают, — и как же смеем мы начинать «кампанию за мир» в армии? Солдат не призван произносить слово «мир». Резолюция Гиммера полезна только немцам. Но даже и резолюция Церетели — лозунг обороны, *параллельный* лозунгу мира, уже разлагает армию. (Станкевич очень был прямолинеен, и даже может быть слишком, и веяло от него чем-то чуждым нашей партийно-социалистической психологии, — не наш, не полностью наш.) А высокий, сухощавый, хорошо сохранившийся старик Чайковский, энесовец и кооператор, тот даже и перехвалил Церетели за государственный дух, и что надо изгнать из советской среды предрассудков против обороны, враг занял десятки наших губерний — а нам внушают мир. И отвоевание Армении, мол, вовсе не империализм, и нужда в проливах есть законное стремление России к открытому морю. От таких похвал справа пришлось Церетели уже и защищаться. И — нет, отвечал он Станкевичу, армия стала фактором политики, и её уже не отстранить от задач революции и от кампании мира в ней.

Но так били интернационалистов, что стало вырисовываться нечто более широкое: в ИК создавалось новое разумное большинство, которого до сих пор не было, менялось само лицо ИК.

И должно быть потому, что почувал это неотвратимое, — сенсационно выступил Нахамкис. Этот мясник, жаждавший крови главных генералов, гремевший в «Известиях», что Ставку надо судить и вешать, этот видный, крупный, широкоплечий бородач — трусливо славировал к большинству и объявил себя сторонником активной обороны. (Да вот что: не был он на самом деле ни левым, ни правым, а

персонифицировал собой политику «от случая к случаю». И, увидя безповоротность образования нового большинства, — поспешил к нему примкнуть.)

И так разваливался большевицко-гиммеровский фронт левых. И оставалось им хитрить: просить включить в резолюцию борьбу за мир как идеал, а после голосовки изобразить такое понимание, что завтра эту кампанию за мир против империалистического правительства мы и открываем всенародно...

Э, нет. Прежде мы, Контактная комиссия (а Церетели, с первого дня такой видный и значительный, уже вошёл и в неё), будем переговариваться с правительством.

Это всё — Гиммер мутил. Замысловата была его позиция от первых же дней революции: пустить буржуазию в правительство, перевязав ее левыми путами, и тут же начинать против неё всенародную борьбу — но и так, чтобы не сразу свергнуть. Однако такая путаная сложность могла удерживаться в голове Гиммера, но не может удержаться при крупных массовых течениях, — вот почему его мартовская игра уже была отыграна.

23 марта на грандиозных похоронах жертв сквозь миллионную толпу Церетели продвигался в одном автомобиле с Верой Фигнер. На всём пути её приветствовали с такой сердечностью, будто все лично знали её, многие подходили и пожимали ей руку. Её глаза сияли счастьем: освобождённый народ помнил и воздавал почести соратнице Желябова и Перовской! Ираклий был глубочайше растроган — не представлял он такой молодой революционной веры и такого воодушевления несметных манифестантов!

Но вот насмешка! Не в какой-нибудь день, но именно в этот день народного торжества, через ночь после того, как ИК с таким трудом свергнул интернационалистов и провёл свою поддержку обороны, — именно в этот день Милюков дал своё наглое интервью о расчленении Австро-Венгрии, изгнании Турции из Европы и о проливах. Он — издевался над революционерами? над Манифестом 14 марта?

А вечером Контактная комиссия заседала с правительством в Мариинском дворце. (Скобелев и Нахамкис брали с собой толстые портфели, но набитые газетами и ненужными бумагами.) Церетели с интересом следил за лицами и повадками министров, никого он их раньше не знал. Нашёл он, что как они ни были внешне любезны, а под тем — осмотрительны. Ничего не поделать, представители

буржуазии, и с ними надо востро. Доброжелательный князь Львов поразил тем, будто он совсем не понимает: о каких *целях* войны можно говорить, когда немцы стоят на нашей земле? но кто же в мире сомневается в демократизме нашей политики? Церетели, хотя и новичок тут, сразу взялся проникнуть сквозь этот классовый эгоизм: как же можно не считаться с народным настроением? Если есть непорядок на заводах или в армии, то лишь от неясности с целями войны: все опасаются затяжной войны из-за чужих целей. Совет только и может оказать влияние на усталые массы, если внушит им уверенность, что новых жертв требует спасение страны, а не завоевания, — и об этом правительство должно опубликовать декларацию, тогда и Совету будет легче мобилизовать рабочих и солдат защищать революцию от внешнего врага. Энергичный Некрасов и Терещенко отозвались, что рады получить поддержку Совета в обороне. И тут Церетели показалось, что этим самым коллеги по кабинету уже и отделяются от Милюкова (как Керенский на следующий день выразил и публично). А Милюков — завёл, завёл с профессорским апломбом: Россия нуждается сохранить доверие союзников, а декларация, требуемая ИК, может быть истолкована ими как начало сепаратной акции, министр иностранных дел не может взять на себя ответственность за такой акт.

Короче, видно было, что не согласен он на одну оборону, нет, хочется ему прихватить к России нечто.

Но не могли же министры не понять разумно, что без соглашения с Советом им не устоять? И Церетели — с новой силой убеждения: мы и не требуем шагов, ведущих к разрыву с союзниками. Пусть Россия заявит об отказе от завоевательных планов, а после этого обратится к союзникам с предложением пересмотреть программу действий. Даже если мы не убедим их дипломатически — мы подействуем на них кампанией через печать.

Вдохновенно видел Церетели этот выход: вот так — неожиданно, необычно и достойно может выйти Европа из своей небывалой войны!

Скобелев тут неглупо пошутил:

— Вы же сами, Павел Николаич, в прошлом году против Штюрмера объясняли нам с думской трибуны, как трудно, как небывало тонко и трудно было убедить Англию признать наши претензии на Константинополь. Так если теперь мы от него откажемся — почему вы думаете, что они будут так задеты?

А Милюков корил встречно, что вот же не откликаются европейские социалисты на Манифест.

Но тут — не было правды, одна увёртка. Хорошо! — восклицал Церетели, зная это убедительное своё состояние, когда пылают глаза, — хорошо, пусть мы не преуспеем никак в Европе — но зато мы все сплотимся внутри страны, а это главная наша сила!

И недоверчиво, недружелюбно молчавший Гучков тут сказал:

— Для единства армии — я согласен.

И Шингарёв, подвинутый сердцем: ваша вера — передаётся мне! согласен и я — если вы сумеете сплотить массы к обороне. Но — можете ли вы нам это гарантировать?!

Тут — не ответить на одном пыланьи. Конечно, никто не может дать гарантии заранее, имея дело с миллионами солдат. (Да когда уже так испорчено нами самими, только это не вслух.) Но настроение большинства революционной демократии — поддержать.

А Милюков — один, по-прежнему, упирался, ничем не растроганный, ничем не захваченный. Когда он упирается — он абсолютно несдвигаем.

Решили, что правительство ещё будет обсуждать и пытаться выработать декларацию.

Через два дня Контактная комиссия снова поехала в Мариинский дворец. Милюков сидел непроницаемый, а Львов прочёл проект декларации правительства. Как будто, как будто так, по тону, а нет — был тут уклон от ясного ответа по главному пункту. «Не отнятие у них национального достояния» — это смутно: а чьё достояние Галиция? Армения? а может быть, и Константинополь? Да вы напишите ясно: *Россия отказывается от захвата чужих территорий!* — и всё.

Как стопор держал их всех Милюков. Они, мол, уже сделали — максимум уступок. И сам момент прямого обращения к союзникам министр иностранных дел должен резервировать за собой.

Да это — пусть, это и лучше, что декларация сперва — к народу, поднять энтузиазм тут у нас. Но вы — *откажитесь ясно* от завоеваний!

И когда уж так успел Милюков приобрести все приёмы дипломата? Не прямым ходом, а крюком: а вы — толкуйте текст по-своему, а министерство иностранных дел — по-своему.

Да — не по-своему! Да не толковать! Нужно открыто для народа изменить направление внешней политики! *Без* этой поправки декларация неудовлетворительна — и мы объявим о непримиримости взглядов Совета и Временного правительства!

Зияет бездна разрыва. Большинство министров, и даже Гучков, понимают: ради единства — надо уступить. Но как же окостенело владеет буржуазными умами законность старых целей войны!

Спорили, спорили. Около полуночи вызвали Чхеидзе к телефону. Он вернулся с мёртвым лицом, еле на ногах, и снова сел к совещанию. Церетели, рядом, шёпотом спросил: что? Оказалось, звонила жена: Стасик, единственный сын, в гостях у товарища играл с ружьём и тяжело ранил себя. «Так езжайте домой!» Но Чхеидзе блуждал взором: решается судьба революции, как же уехать?

Сын!?!

Так и сидел, сидел на совещании — со всклоченными редкими волосами вокруг лысины, безформенно заросший по щекам и вокруг губ, затрёпанная борода, — сидел до конца, и пытался участвовать, и никому не пожаловался!

Такой железной выдержки от усталого старика нельзя было ждать!

А кончили, в два часа ночи, всё равно без соглашения. Ираклий проводил земляка домой — он сильно ослабел в руках, в ногах.

А на лестнице встретили носилки, принесшие бездыханное тело сына.

В этот последний час заседания — он и умер. Николай Семёнович упал на лоб мальчика.

На другой день Исполнительный Комитет без дебатов единогласно постановил: считать декларацию правительства неудовлетворительной.

Наступал — великий необратимый разрыв. Раскол бессмертной Февральской революции!

И в этот самый момент позвонил телефон — и князь Львов сообщил, что правительство приняло поправку, высылает.

Привезли. Весь до слова тот самый отвергнутый текст — упорен же Милюков! — но после «не отнятие у них национального достояния» — почерком князя вписано карандашом, неостро очиненным: «не насильственный захват чужих территорий».

Вырвали!

Во взглядах мировой фанатично-империалистической буржуазии — какой же это будет поворот! — 27 марта — *первый* отказ воюющей державы от всяких захватных завоеваний!

ДОКУМЕНТЫ — 3

ОТ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА К НАСЕЛЕНИЮ

4 апреля 1917

...Постановлением Временного Правительства от 18 марта даровано полное освобождение от суда всем призванным до сего времени к отбыванию воинской повинности, но уклонившимся от неё... а равно и солдатам и матросам, находящимся ныне в побегах и самовольных отлучках, за исключением бежавших к неприятелю, — если они добровольно явятся в войска до 15 мая. Все эти лица будут освобождены от суда и наказания, хотя б они до 18 марта совершили обманные действия, повреждение себе здоровья... умышленную порчу, промотание, отчуждение выданного им казенного имущества и оружия... Все не явившиеся к 15 мая будут отвечать по всей строгости законов.

...ко всем гражданам Свободной России — с призывом способствовать направлению в войска этих лиц... Пусть те, чьи мужья, сыновья и братья честно стоят в рядах армии, придут на помощь местным властям и помогут собрать... Пусть будет стыдно тому, кто из малодушия...

Министр-председатель *князь Львов*
Военный министр *Гучков*

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.